

УДК 930:340.1

DOI 10.17072/2219-3111-2021-2-136-147

Ссылка для цитирования: Шелина Е. А. Давать, приказывать, подтверждать. Власть французских прелатов XIII в. // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2(53). С. 136–147.

Link for citation: Shelina E. A. To Give, to Order, and to Confirm. The French Prelates' Power in the World of the 13th Century Charters // Perm University Herald. History (Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya). 2021. № 2(53). P. 136–147.

ДАВАТЬ, ПРИКАЗЫВАТЬ, ПОДТВЕРЖДАТЬ. ВЛАСТЬ ФРАНЦУЗСКИХ ПРЕЛАТОВ XIII ВЕКА

Е. А. Шелина

Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, 75231, Париж, пл. Сорбонны, 12

jshelina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5543-850X

Появление в онлайн-доступе многочисленных корпусов аннотированных средневековых грамот, в том числе датируемых временем «письменной революции», позволяет с новой позиции (методом *distant reading*) вернуться к старым вопросам историографии: что делают власть имущие средневековой Европы при помощи письменных текстов? С помощью каких инструментов власти они действуют? как характеризуется доминирующими группами их власть? В статье рассматривается частный случай – группа епископов и группа аббатов Франции XIII в. Анализируемые корпусы составлены на основе баз грамот из французских картуляриев: *Chartae Galliae*, *Cartulaires d'Île-de-France*, *Cartulaire blanc*. Для текстометрического анализа словаря грамот была использована платформа ТХМ. Анализ употреблений как отдельных слов, так и биномов (реже – триномов) прелатами, показывает, что среди действий, совершаемых при помощи текстов грамот, выделяются, помимо действий создания грамоты и распространения информации, действия дарения (дарования), приказа и подтверждения. Для реализации перечисленных действий прелатам необходимы следующие инструменты: воля, совет, согласие, власть-авторитет, вера (в зависимости от контекста). Реализуются эти действия, по их представлениям, благочестиво, твердо, старательно, смиренно. Следовательно, представления о собственной власти средневековых прелатов никак не могут быть описаны как «право принуждения и запрета». Между тем мы наблюдаем, что глаголы приказа более характерны для грамот епископов, нежели для грамот аббатов, текстам которых в большей степени присущи глаголы продажи и обмена. Текстометрический анализ показывает, что епископы являются доминирующей группой как на уровне всего королевства, так и внутри епархий, тогда как власть аббатов распространяется в большинстве случаев лишь на подвластный монастырь.

Ключевые слова: власть, властные действия, прелаты, Франция, Средние века (XIII в.), текстометрия, корпус грамот.

Несколько базовых подходов практикуются историками при исследовании средневековых концепций власти. Во-первых, выискивая в Средневековье истоки современности, некоторые ученые экстраполируют современные представления об отношениях власти и находят в средневековых реалиях их проявления. В связи с этим многочисленные труды историков-медиевистов начинаются с перечисления дефиниций власти, встречаемых в современной социологии или философии. В качестве иллюстрации можно привести труды, где рассматриваются конкретные примеры того, как власть имущие реализуют «возможность добиться осуществления собственной воли в рамках социальной связи вне зависимости от того, на чем эта возможность основана» (определение власти (*Macht*) М. Вебера) [Weber, 1972, p. 122]. Вслед за социологами «право принуждения и запрета» также нередко упоминается и историками, особенно когда речь идет о королевской власти (в качестве примера см. [Moraw, 1989, p. 21]). При этом иногда упоминается и определение авторитета, данное этим же автором, как «способности отдавать приказы в ожидании послушания» (примером может служить один из недавно появившихся коллективных трудов [Sini, Korpiola, Tuija, 2013]).

Во-вторых, историки, занимающиеся более поздними периодами, могут исследовать, как элементы принципиально иного средневекового мира (с учетом необратимости некоторых глобальных процессов) видоизменяются и выстраиваются в новые связи в системе современной, следуя логикам этой новой системы. К такому типу исследований призывает, в частности, Жером Баше [Baschet, 2012].

В-третьих, медиевист может начать работу с предположения о наличии разрыва между обществом современным и обществом средневековым – концептуального и поведенческого. Принимая позицию разрыва, мы с необходимостью предполагаем, что «идеальная часть реального» средневекового общества [Godelier, 1978] содержала сети значений, выраженные в понятийных конструктах, отличных от понятийных конструктов нашего общества. Между тем наличествует несколько гипотез о возможном времени концептуального разрыва. Немецкие историки понятий (в частности, Р. Козеллек) наблюдают категориальный разрыв между двумя обществами в конце XVIII – начале XIX вв. Другая возможная датировка может быть связана со сменой онтологий, о которой говорит Ф. Дескола [Descola, 2005], т. е. с началом господства в западном мире онтологии натурализма, пришедшей на смену аналогизму. Мы исходим из того, что в средневековой системе репрезентации наличествовали содержательно иные понятия о власти, которые позволяли структурировать представления о мире. Таким образом, мы будем следовать третьей из обозначенных линий, обращаясь к исследованию словаря средневековой власти.

Одним из способов приблизиться к средневековым представлениям является исследование семантических полей власти в средневековых европейских языках через исследование употреблений таких лемм как *auctoritas*, *potestas*, *dominium*, *jurisdictio*, *potentia*, *imperium*. Возможен и альтернативный путь приближения к средневековым представлениям о власти, также основанный на исследовании лексики сохранившихся документов того периода. Мы исходим из того, что средневековые власть имущие реализовывали свои представления о власти в действиях, которые не свойственны (или не в полной мере свойственны) современному миру, при помощи сил, которые не воспринимаются как лежащие в основе действий современных правителей, и способами, также отличными от современных. Чтение исторических документов методом *distant reading* позволяет конкретизировать вопрос о деятельности средневековых власть имущих. Особый интерес при анализе документов для нас представляет состав действий, посредством которых реализовывалась функция власти в Средние века. Основой такого анализа становятся глагольные формы, обозначающие активность. Тем самым мы дополняем исследования традиционных вопросов истории *items* [Veyne, 1971, ch. 7], целью которых является конкретизация используемых категорий – ответ на вопрос «что есть власть?», или «что есть доминирование?». Анализ глагольных форм, существительных и наречий, употребляющихся в грамотах, позволяет операционализировать (на уровне наблюдаемых проявлений) реально действующее, а не абстрактное представление о содержании процесса властвования.

Теперь нам следует объяснить выбор конкретного объекта, рассматриваемого в данной работе. Мы исследуем словарь грамот носителей двух властных позиций (епископов и аббатов) в ограниченный период времени (XIII в.) на определенной территории (территория французского королевства). Посредством его анализа мы попытаемся предложить наблюдения о концептах власти, которые нам позволяет сделать выбранный корпус.

Выбор грамот для исследования обусловлен допущением о возможности проявления в этой форме динамики развития всей системы средневекового общества [Perreaux, 2016]. С точки зрения корпусного исследования, грамоты имеют свое преимущество. Речь идет о документах, для которых существовали формуляры, чья структура с необходимостью предполагает наличие информации о совокупности обстоятельств действия. Формуляры практически отвечают на Цицероновские вопросы: кто, что, с какой помощью, почему, как, когда (делает)?; или по Аристотелю: кто действует, что действует, относительно чего или в чем состоит действие, с помощью чего действует, почему, каким способом? Наличие этой информации позволяет ответить на поставленные вопросы о действиях власть имущих.

Выбор для анализа корпуса грамот группы прелатов оправдан собственно периодом, когда церковь являлась глобальным социальным институтом рассматриваемого общества. Мы с необходимостью делаем одно уточнение. Не отрицая, вслед за Леви-Строссом, что письмен-

ность могла служить средством для усиления власти доминирующей группы над доминируемыми [Lévi-Strauss, 1955, p. 339–345], мы предполагаем, что функцией грамот было в первую очередь выстраивание отношений между различными группами внутри доминирующей группы (на что, в частности, указывают категории адресатов грамот). Наш подход позволяет рассмотреть епископов и аббатов как целостные социальные группы с определенными полномочиями – группы носителей этих властных позиций.

Французские корпусы были выбраны как документы центра, или ядра, региона. Между тем объективно еще не полностью сформированы и доступны базы данных по корпусам грамот для всей системы средневекового общества, т.е. полномасштабная работа может в настоящий момент проводиться только для нескольких регионов (что не отрицает наличия возможности сравнения с результатами аналогичного анализа корпусов грамот других регионов христианского мира в будущем).

XIII в. был выбран как период, когда уже имелось значительное количество грамот, написанных прелатами. С XII в. на территории латинского Запада начала происходить так называемая «документальная революция» [Cammarosano, 1991], – период, когда имел место резкий рост количества всех видов письменных текстов, к которым прибегали доминирующие группы, в частности грамот. Это обстоятельство позволяет проводить анализ грамот более подробно, с учетом отдельных социальных групп и социальных позиций. Изучение материалов предшествующих веков вынужденно приводит исследователей либо к укрупнению рассматриваемого региона, либо к расширению периода, либо к увеличению единицы анализа – объединению разнородных письменных документов.

В данной статье нами будут рассмотрены два корпуса грамот XIII в.: грамоты епископов (и архиепископов) и грамоты аббатов (и аббатис). Они были составлены на основе нескольких доступных в онлайн-формате баз грамот XIII в. (*Chartae Galliae*, *Cartulaires d'Île-de-France*, *Cartulaire Blanc*). В них были включены только те грамоты, чья аутентичность не подлежала сомнениям, «копии» не вошли в корпусы.

Основу корпуса *Chartae Galliae* составили грамоты картуляриев церковных капитулов и монастырей, опубликованных в XIX–XX вв. (в том числе *Cartulaire du chapitre de la cathédrale d'Amiens*, *Le cartulaire du chapitre d'Arras*, *Cartulaire de l'abbaye de Montiéramey*, *Cartulaire du Paraclet*, *Cartulaire de l'abbaye de Notre-Dame d'Ourscamp* и т.д.), а также многие акты, которые были опубликованы впервые в онлайн-формате. Корпус епископских грамот включает в себя 1113 грамот, а также 119 грамот архиепископов региона, скопированных из базы *Chartae Galliae*, к которым мы добавили 288 епископских и 17 архиепископских грамот, скопированных из картуляриев *Cartulaires d'Île-de-France* и *Cartulaire Blanc*. Корпус грамот аббатов включает в себя 815 грамот аббатов и 75 грамот аббатис из базы *Chartae Galliae* и 162 грамот аббатов и аббатис (134 и 28 соответственно) из *Cartulaires d'Île-de-France* и *Cartulaire Blanc*. Содержательный анализ словаря грамот (340 753 и 311 639 вхождений соответственно) дает основания выявить некоторые общие тенденции относительно характера активности группы прелатов.

Что делают власть имущие XIII в.: «поучают, спасают, воспитывают, устанавливают общую цель, формулируют общий закон, внушают, предлагают или навязывают людям истинные или благие воззрения» [Фуко, 2011, с. 230] или же для них характерны другие действия? (Подчеркнем, что на месте перечня действий, названных М. Фуко, могут оказаться и альтернативные списки других философов, занимающихся проблемами власти.)

Для ответа на заданный вопрос мы прибегли к простой лексикометрической операции при помощи программы ТХМ: ранжировали все глаголы обоих корпусов, стоящие в 1-м лице множественного числа, в соответствии с их частотностью. Были получены следующие списки (в скобках указано число встречаемостей):

а) епископы: *fecimus* (454), *facimus* (258), *volumus* (231), *duximus* (122), *confirmamus* (117), *concessimus* (87), *concedimus* (75), *approbamus* (58), *habemus* (58), *dedimus* (51), *investivimus* (49), *ordinamus* (48), *statuimus* (43), *vidimus* (42), *precipimus* (40), *dicimus* (39), *damus* (38), *laudamus* (37), *recipimus* (36), *confirmavimus* (33), *debemus* (32), *ordinavimus* (31), *possumus* (29), *faciemus*, *habebamus*, *tradidimus* (25), *contulimus* (24), *poterimus* (24), *promittimus* (24), *roboravimus* (24), *decrevimus* (21), *inspeximus* (21), *apposuimus* (20), *promisimus* (20);

б) аббаты: *fecimus* (256), *facimus* (240), *concessimus* (184), *volumus* (145), *duximus* (94), *habemus* (89), *habebamus* (81), *concedimus* (78), *dedimus* (68), *roboravimus* (65), *poterimus* (55), *promittimus* (55), *tradidimus* (50), *vendidimus* (41), *dicebamus* (39), *recipimus* (38), *confirmamus* (37), *faciemus* (34), *veniemus* (31), *habebimus* (29), *promisimus* (28), *debemus* (27), *obligamus* (27), *quitarimus* (27), *retinemus* (26), *compromisimus* (25), *habuimus* (25), *approbamus* (21), *laudamus* (21), *possumus* (20).

Исходя из полученных списков, мы можем утверждать, что в грамотах прелаты и священники не молятся; этот основной вид их деятельности остается за пределами выбранного вида документов. В качестве иллюстрации приведем следующие результаты: форма *oramus* встречается в корпусе грамот *Chartae Galliae* во временном промежутке 1000–1300 гг. (21 966 грамот в сумме) всего дважды; форма *oro*, форма *orat* появляются лишь в трех грамотах; форма *oremus* – всего в одной грамоте. Впрочем, и короли, и войска не воюют, а крестьяне не обрабатывают землю в грамотах. Выбор одного типа документов для анализа, безусловно, накладывает ограничения на наблюдаемый объект. Функции каждого из используемых в Средние века типов документов (грамоты, хроники, теологические трактаты и т.д.) предопределяют различия как в содержании, так и в форме изложения – их языке. При этом важно подчеркнуть, что, являясь документами управленческой практики (где представители различных властных групп действуют от своего имени или от имени своего господина), грамоты презентуют лишь часть средневековой реальности. Тем не менее мы можем говорить о том, что триада Ж. Дюби не функционирует в мире грамот; представители первых двух категорий средневекового общества, однако, выполняют немало действий, осуществляемых при помощи грамот и отраженных в их лексике.

Наиболее частотные глаголы, одновременно являющиеся глаголами с ярко выраженной полисемией, употребляются в контексте производства прелатами документа (подчеркнем, что письменный документ сам по себе является способом воздействия на мир) или в контексте уточнения цели документа (в частности, цели дать информацию). Наиболее частотный глагол *fecimus* встречается в повторяемых сегментах *fecimus roborari/communiri/sigillari/annotari* и производных (и практически не используется вне данного контекста). Форма *facimus* также исключительно относится к сегменту *notum (vobis) facimus*. Глагол *volumus* с высокой частотностью встречается в сегментах *notum fieri volumus*, *noticiam volumus pervenire*, *scire volumus* (однако его употребление не ограничено этим контекстом). Глагол *duximus* принадлежит формулам *sigillum nostrum duximus apponendum*, *in cuius rei testimonium presentibus litteris sigillum nostrum duximus apponendum* и производным. Глагол *tradidimus* встречается в том же контексте (*litteras tradidimus sigillo nostro roboratas*); а *roboravimus* формирует сегмент *sigilli nostri munitine roboravimus*. Наконец глагол *habemus* встречается в формулах *habemus ratam* и *habemus ratam et gratam* и лишь в некоторых случаях принимает свое (ожидаемое) значение «иметь» в сегменте *jus/juris quod habemus*, или в сегменте *x habemus in villa*.

Обращаясь к прочим глаголам списка, мы могли бы перечислить, что прелаты *делают, хотят, подтверждают, даруют, говорят, могут, что-то должны* (и далее в соответствии с полученными перечнями действий), если бы не одно наблюдение. Большинство глаголов из списков употребляются в корпусах не самостоятельно, но в рамках конструкций, которые в современной лингвистике называются *биномами*. В современном определении, *бином* – это последовательность двух слов одной грамматической категории, имеющих некоторые семантические отношения и связанных синтаксическим элементом [Bhatia, 1993, p. 108], таким как *et*, *vel*, *aut* или энклитикой *-que* в латыни. Исходя из частотности употребления, данная конструкция кажется центральной для средневековых языков; большинство вышеперечисленных глаголов, в частности, встречаются именно в ее составе. В наших эвристических целях мы используем ее с целью классификации действий, однако полагаем, что в средневековом мире она употреблялась с противоположной целью – для индивидуализации действия. Представляется важным проследить за употреблением глаголов из списков в данной конструкции.

Выявляются несколько смысловых групп при рассмотрении биномов. Отдельно выделяется группа глагола *volumus*. В корпусе епископских грамот он формирует биномы ‘*volumus et precipimus*’, ‘*volumus et ordinamus*’ (встречается и трином ‘*volumus, precipimus et ordinamus*’), ‘*volumus et consentimus*’, ‘*volumus et concedimus*’; в корпусе грамот аббатов: ‘*volumus et concen-*

timus’, ‘*volumus et approbamus*’, ‘*volumus et concessimus*’, ‘*volumus et concedimus*’. Глагол изъявления воли ожидаемо центральный: воля прелата, как и воля иных представителей доминирующей группы, выходит на первый план в XIII в., волевой акт власть имущего находится в основе множества властных действий. Особенно часто глагол воления встречается в биномах с глаголами согласия и одобрения (власть имущие соглашающиеся и отвечающие на запросы должны тем больше подчеркивать, что действия происходят по их воле), но и глаголы, относящиеся к группе приказа, также нередко предваряются этим глаголом.

Отдельно выделяется и группа глагола *laudamus*, который в биномах объединяет глаголы ответных действий епископов и аббатов: ‘*laudamus et approbamus*’, ‘*laudamus et consentimus*’, ‘*laudamus et concedimus*’. В свою очередь, и глаголы группы формируют между собой биномы: ‘*approbamus et confirmamus*’, ‘*consentimus et approbamus*’, ‘*concedimus et approbamus*’, где глагол одобрения оказывается наиболее частотным.

Могут быть выделены еще две группы:

1. Группа глаголов дарования (или уступки/предоставления). Глагол *damus* формирует биномы с глаголами *concedimus* и *legamus* (один раз – с *permutamus*) в корпусе епископских грамот, с глаголом *concedimus* – в корпусе аббатов. В то же время глагол *concedimus* притягивает в биномы глаголы *laudamus*, *approbamus*, *donamus*, *damus*, *habemus*, *confirmamus* в текстах епископов и *laudamus*, *vendidimus*, *tradimus*, *quitamus*, *volumus*, *confirmamus* в текстах аббатов.

2. Группа глаголов приказа: *ordinamus* (часто при посредстве тех, кто служит «продолжением» власти и ее исполнителем де-факто: ‘*per manus executorum nostrorum*’), *statuimus*, *mandamus*, *decrevimus*, *precipimus*. Все эти глаголы формируют биномы между собой: ‘*statuimus et ordinamus/ordinavimus*’, ‘*mandamus et precipimus*’, ‘*precipimus et ordinamus*’ в корпусе грамот французских епископов; ‘*ordinamus et volumus*’, а также ‘*mandamus et promittimus*’ – в корпусе грамот аббатов.

Подчеркнем, что выявленные группы являются пересекающимися множествами: можно одновременно излагать свою волю и дарить или приказывать.

Глаголы списков позволяют предварительно сделать следующие дополнительные наблюдения.

Во-первых, несколько глаголов отсылают к действиям прелатов, которые требуют продолжения в действиях других персон. Власть прелата требует наличия лиц, которые будут ее реализовывать, что предполагает устойчивую систему отношений. В грамотах прелат часто действует, приказывая исполнить что-либо своим подчиненным (поэтому среди встречаемых глаголов в 1-м лице множественного числа в каждом корпусе мы находим глаголы в 3-м лице, отсылающие к действиям подчиненных, долженствующим быть выполненными). Мало того, столь частотный глагол, как *damus*, зачастую отсылает к ситуациям, где предметом дарования является не что иное, как «власть что-то сделать».

Во-вторых, многие глаголы в списках отсылают не к решениям, непосредственно исходящим от прелата, но к ответам прелатов на запросы снизу или от тех, кто занимает сходные позиции. Власть прелата часто представляется как власть одобряющая и апробирующая.

В-третьих, в обоих списках мы наблюдаем явное преобладание глаголов уступки, нежели глаголов запрета. В целом, власть предстает как распределяющая благодать и прочие блага (или перераспределяющая внутри группы), как власть уступающая, нежели как власть, запрещающая действовать тем или иным образом.

Отметим, что полученные списки глаголов отчасти напоминают списки типологий грамот (где категориями являются «решение суда», «дарение», «продажа», «приказ»), и тем не менее результаты отличны от тех, как если бы мы задали тот же вопрос «что делают прелаты?» и обратились бы к статистике типов грамот. Во-первых, половина глаголов из полученных списков не лежит в основе выделения ни одного из типов грамот (*volumus*, *duximus*, *laudamus* – глаголы частотные и важные, но существующие типологии их игнорируют). Во-вторых, многие из глаголов характерны сразу для многих видов грамот. Например, глагол *volumus* может появиться в грамотах о продаже (в контексте *notum fieri volumus*), в концессиях (*volumus + inf.*), в судебных решениях (*volumus + inf.*) и т.д. Таким образом, мы прибегли к анализу, дающему альтернативные основания для классификации действий прелатов.

Между тем полученные два списка глаголов для групп епископов и аббатов имеют различия: некоторые глаголы принадлежат лишь одному списку, и порядок наиболее частотных глаголов в списках варьируется. Большее количество глаголов, обозначающих более практичные действия, присуще корпусу аббатов: например, аббаты в письменном виде часто совершают продажу, обмен, покупку земель. Однако список глаголов, представленных в грамотах аббатов, содержит в себе меньше глаголов приказа (*ordinamus, statuimus, mandamus, decrevimus* исчезли из первых позиций списка). Аббаты являются главами своих монастырей, где их власть как господ беспрекословна, но в более широком мире других социальных групп они оказываются в меньшей степени господами, нежели епископы (термин «прелаты» нами использован не как типизирующая категория, а как категория, позволяющая объединить разные группы, не абстрагируясь между тем от их различий). Мы можем предположить, что критерий частотности реализации возможности приказывать может быть важным для различения групп внутри доминирующей группы (подчеркнем, речь идет не о праве и возможности, но об их реализации на практике).

Несмотря на то что списки наиболее частотных глаголов выглядят довольно длинными, количество наиболее частотных действий, совершаемых прелатами посредством грамот, не столь велико. В итоге, помимо того, что прелаты делают волеизъявления и что-то сообщают, они (при помощи грамот) в основном дарят, подтверждают и приказывают, хотя все группы глаголов являются семантически близкими (в частности, это наблюдается через формируемые глаголами биномы). Прелаты принимают решения, и они выбирают и назначают тех, кто будет их реализовывать.

Однако возникает вопрос: действуют ли прелаты и их окружение всегда с помощью власти?

Для ответа на заданный вопрос мы рассмотрели список существительных корпуса в аблятиве, но, в отличие от глаголов, из этого списка мы выбрали только те слова, которые гипотетически отсылают к инструментам, с помощью которых действовали прелаты. Наиболее частотными в корпусе грамот епископов оказываются следующие существительные данной категории: *fide* (332, часто в сегменте *bona fide*), *auctoritate* (297), *assensu* (280), *miseratione* (200), *voluntate* (194), *concensu* (163), *consilio* (158), *juramento* (94), *gracia* (64). Список для корпуса грамот аббатов оказывается сходным (хотя, что немаловажно, порядок слов меняется): *consilio* (250), *assensu* (231), *voluntate* (210), *fide* (197), *auctoritate* (117), *consensu* (214), *miseratione* (86).

Полученные списки несколько разнятся для группы епископов и аббатов. Иной порядок наиболее частотных существительных, отсылающих к инструментам действия, предположительно связан с тем, что аббаты в значительно меньшей степени приказывают (таким образом, и значение инструментов приказа снижается по отношению к инструментам подтверждения, дарования, продажи, обмена).

Инструменты, с помощью которых прелаты действуют, не могут быть вписаны в оппозицию «*auctoritas vs. potestas*»; *auctoritas* и *potestas* в данных корпусах грамот бинарной оппозиции никак не представляют. Форма *potestate*, которая могла бы указывать на значение инструмента действия, в обоих корпусах появляется благодаря предложным сегментам (*in, sub, de potestate*), т.е. отсылает к сегментам «во власти», «под властью» (иными словами, к принципиально иному типу власти, нежели *auctoritas*).

Встает вопрос о контекстах, где используется тот или иной властный инструмент. *Auctoritas* возникает в трех разных контекстах: когда французский прелат действует *auctoritate pontificali/apostolica* (т.е. властью папы или папского престола); когда речь идет об *auctoritate totius concilii* (властью собравшихся на совет) и когда прелат действует с помощью своей властью. В первом случае чаще всего речь идет о подтверждении (*confirmamus*), во втором случае мы встречаем глагол предупреждения (*monemus quod*). Своей властью епископ выполняет большинство действий (подтверждает, приказывает, дарует: *confirmamus, approbamus, volumus, laudamus, communitimus, roboramus, duximus confirmandum, duximus ordinandum, precipimus, relaxamus, mandamus, damus, concedimus, annectimus, unimus*). Между тем аббаты также выполняют эти действия, но, в отличие от епископов, практически все они производятся *auctoritate* папы или капитула.

Voluntas является инструментом, с помощью которого в XIII в. действуют не только светские правители [Канторович, 2014, с. 173], но и прелаты. Употребление формы *voluntate* разнится в зависимости от контекста. В одних случаях речь идет о том, что делают третьи лица по воле прелата, а в других – о действиях самого прелата (например, в сегменте *duxerimus ordinandum*). Его употребление тесно связано с группой согласия и совета (форма *voluntate* формирует биномы со словами *assensu, consensu, consilio*). В биномах со словом *consensu* эта лексема также притягивает глаголы приказа (*statuimus, ordinamus*). В то же время слово *consensu* употребляется с глаголами дарения (*contulimus et donavimus*), а также с глаголом *prorogavimus/prorogamus* (глагол продления). Кроме того, слово *consilio* ожидается в связи с глаголами принятия решения и приказа (особенно в контексте принятия юридических решений): *protulimus, pertulimus (dictum, arbitrium), adjudicavimus, diximus, ordinamus/ordinavimus, dicimus arbitrando, statuimus, pronunciamus*. В корпусе грамот аббатов к глаголам, притягивающим данную группу существительных, прибавляются еще и глаголы продажи и уступки (*concessimus, vendimus/vendidimus, quittavimus*), а слово *consensu*, как и в корпусе епископов, встречается в окружении глаголов *volumus, ordinavimus*. Мы наблюдаем, насколько значимой оказывается группа слов, отсылающих к совету или согласию тех, кто находится в непосредственной близости от прелата.

В обоих списках мы также находим слова, чья принадлежность к семантическому полю власти не столь очевидна для тех, кто исходит из современных дефиниций власти: *fides, gracia, miseratione*. В обоих списках сегмент *bona fide* притягивается глаголом обещания (обязательно к исполнению) – *promittimus/promisimus*. В текстах прелаты ссылаются на силу, которая объединяет господина и подчиненного в обществе, где основанием являются любовь и вера и где главным господином, возвышающимся над всеми остальными, является Бог (в соответствии с представлениями общества о себе самом). Вспомним также слова Эрика Петерсона: в вере акт веры неотделим от акта подчинения, он с ним внутренне связан [Peterson, 2007]. Бог является постоянным действующим лицом в текстах грамот, а большая их часть начинается с того, что милостью Божией тот или иной епископ или аббат занял свою позицию, откуда и частотность слов *miseratione* и *gracia*.

Подчеркнем: и *fides*, и *voluntas*, и *auctoritas* реализуются через конкретные действия прелатов. Однако некоторые действия совершаются ими не только с помощью какого-то инструмента (или без его уточнения), но во имя чего-то: *pro pace, pro bono pacis, pro necessitate, pro utilitate, pro salute/remedio anime, pro anima* и т.д. Сегмент цели является ключевым для окружения глаголов действия в обществе, которое мыслит категориями универсального, и эти категории привязаны к главному полюсу – Богу.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, как действуют прелаты, мы обратились к спискам наречий образа действия, встречающихся в исследуемых корпусах грамот. В силу того что для разных действий характеристики могут быть различными, мы прибегли к нескольким операциям. Сначала создали общий список наиболее частотных наречий корпуса, затем посмотрели на то, как они объединяются в группы биномов (иногда триномов). После, принимая во внимание сочетаемость глаголов и наречий корпуса, провели наблюдение, какие частотные глаголы притягивают те или иные наречия.

Список наиболее частотных наречий корпусов следующий:

а) епископы: *libere* (169), *similiter* (136), *firmiter* (114), *fideliter* (91), *pariter* (82), *specialiter* (69), *benigne* (65), *integre* (65), *corporaliter* (53), *publice* (53), *diligenter* (49), *personaliter* (45), *semper* (44), *taliter* (40), *liberaliter* (33), *communiter* (31), *humiliter* (28), *amiabiliter* (26), *concorditer* (21), *miseranditer* (18), *canonice* (17), *similiter* (17), *sufficienter* (17), *efficaciter* (16), *generaliter* (15);

б) аббаты: *perpetuo* (146), *libere* (122), *firmiter* (102), *similiter* (102), *fideliter* (92), *diligenter* (57), *specialiter* (56), *semper* (56), *integre* (49), *pariter* (48), *corporaliter* (43), *communiter* (26), *taliter* (25), *personaliter* (24), *totaliter* (23), *generaliter* (19), *benigne* (18), *honeste* (18), *amicabiliter* (17), *publice* (14), *concorditer* (13), *humiliter* (12), *liberaliter* (10), *unanimiter* (10), *violenter* (10).

Большая часть глаголов из обоих списков в двух корпусах совпадает. И в том, и в другом мы видим наречия, с помощью которых прелаты явно могли характеризовать свои действия, а также наречия, которые помогали прелатам характеризовать действия тех, к кому они обращались.

Практически все наречия принимают в наших корпусах положительное значение, т.е. конструируемым прелатами в грамотах отношениям придается явно позитивная коннотация. Исключение составляет наречие *violenter*, притягивающее следующие глаголы (в третьем лице): *extorqueo* (вымогать, вынуждать), *detineo* (удерживать, задерживать), *rumpro* (разрывать, нарушать), *spolio* (грабить, отнимать), *ejicio* (выгонять), *opprimo* (теснить, угнетать), *occupo* (занимать).

Язык грамот подчеркивает духовную основу действий прелатов и ответных действий в их сторону. основополагающий элемент подчеркнуто одухотворенной природы их действий, таким образом, проявляется не только в языке целей (*pro bono pacis, pro salute/remedio anime*), но и в менее очевидных наречиях образа действия. Создание грамот предстает как способ воздействия на мир и одухотворения конкретных действий.

Как и в случае глаголов и существительных, мы наблюдаем, что наречия формируют конструкции биномов. Впрочем, некоторые из них формируют биномы довольно редко: бином *publice et sollempniter* встречается всего два раза, *unanimiter et firmiter* в одном биноме в корпусе епископов. Некоторые наречия практически не формируют биномов в исследуемых корпусах: *similiter, pariter, corporaliter, personaliter, taliter, misericorditer, forte, violenter, evidententer, sufficienter*. Многие из этих наречий принадлежат формулам, и они в основном связаны с глаголами, отсылающими к действиям лиц, на которых прелат ссылается, но не к действиям самого прелата. Так, наречия *corporaliter, forte* не притягиваются глаголами в первом лице; а наречие *personaliter*, в основном употребляющееся с глаголами во втором лице (*accedatis, studeatis, moneatis*), встречается в первом лице в одном контексте: когда прелат сам перемещается в подконтрольное ему место, откуда встречаемость наречия с глаголом *visitare*.

Мы остановимся только на наречиях образа действия, характеризующих действия самих прелатов. Так, *publice* обязано своей частотностью формуле *actum publice*, но оно также встречается с глаголом заявления *denunciare* и с глаголом обнародования *proclamari*. Средневековое общественное пространство является объектом исследования группы французских ученых; появление в корпусе данного наречия может быть ожидаемо историками благодаря работам данной группы (например, [Boucheron, Offenstadt, 2011]).

Наречие *misericorditer* (милостиво) притягивает глагол *relaxamus* (освобождать от, смягчать, уменьшать), часто в сегменте *quadraginta dies deiniuncta sibi penitencia misericorditer relaxamus*. Проявление милости – одно из ключевых проявлений власти (гипотетически в средневековом мире эта сила позволяет господину отказаться от наказаний, не показавшись слабым в глазах окружения [Vis, 1994, p. 27]). Между тем, несмотря на то что историография уделяет особую важность милостивым действиям власть имущих, в мире грамот это наречие не является основной характеристикой властных действий, к тому же его употребление сведено к очень конкретным контекстам.

Из тех наречий, которые встречаются в биномах, особо важна группа *specialiter et generaliter*. Этот бином притягивается различными формами глагола *obligo* (принуждать, обязывать), в том числе и формой 1-го лица *obligamus*. *Generaliter et specialiter* выделяется одной особенностью: его употребление кажется сходным с биномом *omnes et singulatim* (в соответствии с моделью пастората М. Фуко). Бином *specialiter et generaliter* встречается в контекстах, где наличествует необходимость подчеркнуть важность всего списка и каждого его элемента. Только в случае употребления этого бинома речь не идет о подчиненных людях; мы встречаем его в перечислениях принадлежащего феодалу или в списках вопросов, обсуждаемых в ходе компромисса. Иными словами, в средневековой системе принцип «все и каждый» действует не только в отношении людей (все и каждый должны подчиняться, господин должен заботиться обо всех и каждом), но и в отношении вещей и действий. Так, нарушение одной из статей компромисса обозначает нарушение компромисса в целом (должно соблюдать все и каждый из пунктов). Наречие *generaliter* формирует бином и с другим наречием – *expresse*, бином употребляется в других контекстах, в основном с формами *obligamus* (обязывать), *sententiamus* (выносить решение), *diffinimus* (предписывать, ограничивать).

Другие биномы характеризуют следующие действия прелатов:

1. Глаголы приказа притягивают редкие индивидуальные наречия и наречия в биномах, отсылающие к решительности и твердости. Наречия *firmiter* и *districte* вне бинома и в биноме

firmiter et districte чаще всего встречаются с глаголами *mandamus, precipimus*. Глагол *ordinamus* вступает в связь с наречием *taliter* (таким образом), наречие *concorditer* (в гармонии) также употребляется с глаголами принятия решения и указа: *ordinavimus, discernimus (quod + решение)*. Впрочем, в основном епископы не характеризуют собственные приказы, а глаголы *statuimus, decrevimus* не притягивают наречий.

2. Глаголы владения притягивают группу наречий, где одним из элементов бинома часто становится наречие *libere: libere, quiete, absolute, pacifice, perpetuo, integre, integraliter, benigne* в корпусе епископов, *quiete, integraliter, pacifice, absolute, simpliciter, integre* в корпусе аббатов. Эти наречия отдельно и в биномах вступают в связь с глаголом *possidere* (владеть). Речь идет о свободном, мирном, постоянном и полном владении. Наречие *libere* в биноме с *integre, integraliter, quiete*, а также наречие *absolute* употребляются с глаголом *concessimus* (передать, уступить); этот же глагол притягивает слово *benigne*; в то время как бином *irrevocabiliter et pacifice* вступает в связь с глаголами *concedimus, quitavimus* (отдавать, уступить).

Отдельно выделяется группа наречий *devote* (благочестиво), *benigne* (благодушно), *perempniter* (навечно), *humiliter* (смирненно), *venerabiliter* (почтительно). Бином *honeste et devote* (почтительно и благочестиво) встречается в сегменте *serviant Deo* (служить Богу), *devote ac venerabiliter* (благочестиво и почтительно) притягивает глагол *visitaverint* (речь идет о визитации церквей). Эти наречия характеризуют связь прелатов (и тех, к кому они обращаются) и их господина, которым является Бог.

Отдельно встречающиеся (в основном вне биномов) глаголы также притягивают определенные наречия. Глагол обещания *promisimus* (обещать) вступает в связь с наречием *fideliter* (верно), глагол *inspeximus* (контролировать, проверять) притягивает в основном наречие *diligenter* (старательно), а глагол *obligamus* (обязывать) – наречия *specialiter, expresse* (специально) и один раз бином *fideliter et legaliter*, глагол продажи *vendidimus* – бином *bene et legitime* (хорошо и законно). Подчеркнем, что наречие *bene* формирует и другие биномы: *bene et honeste, bene et laudabiliter, bene et honorifice* (у епископов), *bene et legitime, bene et fideliter* (в группе аббатов). Однако встречаются они в других контекстах: средневековые существительные, глаголы, наречия намного более контекстуально зависимы, чем современные слова.

Между тем не притягивают наречий несколько важных групп глаголов. Во-первых, глаголы группы дарования (*damus, donamus, tradimus*). Во-вторых, некоторые базовые глаголы группы подтверждения (*approbamus, confirmamus*), за исключением наречия времени *perpetuo* (когда речь идет о подтверждении вечного владения). В-третьих, глагол *laudamus*, формирующий биномы с глаголами уступки и подтверждения.

Подчеркнем, что речь идет о наиболее частотных комбинациях, реконструировав которые, можно начинать говорить о вариативности и о проявлении изобретательности в тех документах корпуса, где на месте частотных вариантов появляется «аномалия».

Мы наблюдаем, что словесный арсенал, используемый для обозначения властных действий, имеет одну особенность: определенным действиям соответствуют определенные инструменты, с помощью которых эти действия осуществляются, и определенные характеристики, которыми действия должны быть наделены. Гипотетически объяснение данного наблюдения можно найти в идее, что средневековый мир – мир онтологии аналогизма: в нем каждое действие может быть уточнено и названо с предельной четкостью, с подчеркнутым (в частности, лексически) отличием от похожих действий.

Лексика грамот прелатов (документов управленческой практики) служит для воспроизведения отношений в обществе, где духовное занимает доминирующие позиции и где отношения власти выстраиваются, исходя из общественной цели попасть в Царство небесное. На уровне конкретных властных действий, совершаемых прелатами (как социальной группой) посредством грамот, выделяются дарения и дарования, приказы и подтверждения, для реализации которых прелатам необходимы вера, воля, совет, согласие и власть-авторитет (в зависимости от контекста). Реализуются эти действия благочестиво, твердо, старательно, смирненно и т.д.

Мы могли бы предположить, что представленные результаты получены вследствие изначального выбора для анализа корпуса грамот прелатов. Однако, проводя соответствующий анализ для корпусов грамот представителей светской ветви власти, например корпуса грамот французских королей, герцогов и графов XIII в. (467 000 вхождений), составленного на основе

тех же баз грамот, мы получаем сходные списки глаголов, существительных, наречий. Например, сегмент *bona fide* стоит на первом месте в списке инструментов действия (затем следуют *auctoritate*, в контексте «властью моей печати», *assensu*, *voluntate*). Список наиболее частотных наречий способов действия также похож на полученные нами два списка: *pariter*, *libere*, *perpetuo*, *similiter*, *firmiter*, *fideliter*, *forte*, *semper*, *bene*, *specialiter*, *diligenter*, *integre*. Таким образом, концепты власти/властей в группе светских лиц, занимающих доминирующие позиции, оказываются во многом сходными с теми, что мы находим в группе прелатов. Это дает нам основание предположить наличие устойчивой, общей позиции в представлениях власть имущих об их власти.

При этом, согласно нашим наблюдениям за словарем власть имущих, можно говорить о том, что содержание «властных» категорий в Средние века отличалось от некоторых представлений современной историографии о содержании категории «средневековая власть». По крайней мере, представления власть имущих XIII в. о собственной власти никак не могут быть сведены к формуле «власть – это способность навязывать свою волю вопреки чужой воле». Представляется, что эти наблюдения ставят под сомнение возможность использования современной описательно-объяснительной конструкции «власть» в качестве универсальной при изучении историками принципиально иных обществ, особенно когда речь идет о представлениях других обществ о самих себе.

Список источников

Chartae Galliae. URL: <http://www.cn-telma.fr/chartae-galliae/index/> (дата обращения: 18.10.2017).
Cartulaires d'Île-de-France. URL: <http://elec.enc.sorbonne.fr/cartulaires/> (дата обращения: 30.06.2018).
Le Cartulaire blanc. URL: <http://saint-denis.enc.sorbonne.fr/les-textes/cartulaire-blanc/parcourir.html> (дата обращения: 04.07.2018).

Примеры картуляриев, на основе которых была составлена база *Chartae Galliae*

Cartulaire du chapitre de la cathédrale d'Amiens. Amiens, 1905
Loisne A. Le cartulaire du chapitre d'Arras. Paris, 1896.
Lalore G. et Pigeotte L. Cartulaire de l'abbaye de Montiéramey. Paris: Thorin, 1890.
Lalore G. Cartulaire du Paraclet. Paris: Thorin, 1878.
Peigne-Delacourt A. Cartulaire de l'abbaye de Notre-Dame d'Ourscamp, de l'ordre de Cîteaux, fondée en 1129 au diocèse de Noyon. Amiens, 1865.

Библиографический список

Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 744 с.
Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
Baschet J. Entre le Moyen Âge et nous // Didier Méhu, Néri de Barros Almeida et Marcelo Cândido da Silva (dir.), Pourquoi étudier le Moyen Âge? Les médiévistes face aux usages sociaux du passé. Paris: Presses de la Sorbonne, 2012. P. 215–232.
Bhatia V. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Routledge, 1993. 264 p.
Boucheron P., Offenstadt N. L'espace public au Moyen Âge. Débats autour de Jürgen Habermas. Paris: Presses Universitaires de France, 2011. 370 p.
Buc P. L'ambiguïté du livre. Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Âge. Paris: Beauchesne, 1994. 427 p.
Cammarosano P. Italia medievale. Struttura e geografia delle fonti scritte. Rome: Carocci, 1991. 389 p.
Descola P. Par-delà nature et culture. Paris: Gallimard, 2005. 533 p.
Godelier M. La Part idéelle du réel. Essai sur l'idéologique // L'Homme. 1978. T. 18, no 3-4. P. 155–188.
Lévi-Strauss C. Tristes tropiques. Paris: Plon, 1955. 456 p.

Moraw P. Von offener Verfassung zu gestalteter Verdichtung. Das Reich im späten Mittelalter 1250 bis 1490. Frankfurt am Main; Berlin: Propyläen, 1989. 470 p.

Perreaux N. L'écriture du monde (II) // Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre. URL: <http://cem.revues.org/14452> (дата обращения: 20.07.2018).

Peterson E. Le monothéisme : un problème politique, trad. franç., Paris: Bayard, 2007. 219 p.

Sini K., Korpiola M., Tuija A. Authorities in the Middle Ages: Influence, Legitimacy and Power in Medieval Society. Berlin: de Gruyter, 2013. 330 p.

Veyne P. Comment on écrit l'histoire. Paris: Seuil, 1971. 352 p.

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Mohr, 1972. 840 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 02.04.2020

TO GIVE, TO ORDER, AND TO CONFIRM. THE FRENCH PRELATES' POWER IN THE WORLD OF THE 13TH CENTURY CHARTERS

E. A. Shelina

University Paris 1 Panthéon-Sorbonne, 12 Place du Panthéon, 75231, Paris, France

jshelina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5543-850X

As corpora of medieval texts became available online, and platforms for textometric analysis (TXM, among others) were developed in the last decade, it has become possible to explore old historiographical issues from a new perspective. This study explores the actions of medieval dominants and the forces they used to perform those actions. The author unites a corpus of the charters of prelates of the French dioceses from the period following the “documentary revolution”, because the general increase in the number of charters since the 12th century enables the author to work at the level of particular social groups. The charters of bishops and archbishops and the charters of abbots and abbesses of the 13th century were collected from online editions of medieval French cartularies (from the *Chartae Galliae*, the *Cartulaires d'Île-de-France*, and the *Cartulaire blanc*). The author generated lists of the most frequent verbs and nouns in the ablative and examined the most common adverb co-occurrences for the most frequent verbs of the two corpora. As a result of the study, a number of observations were obtained. 1) Along with the group of verbs that denote the activity of creating a charter and of disseminating the information, the most frequent verbs refer to the activities of giving, ordering and confirming in the corpus of bishops. These three main activities were distinguished by analyzing the structure of verb binomials in the corpus. 2) The activities of abbots appear to be different from those of bishops: the verbs of ordering are far less frequent, while the verbs of selling and exchanging are more common. While bishops form the dominant group within the whole society, the activities of the abbots in society are less conspicuous (abbots dominate within their monasteries). 3) The *auctoritas*, although an important power force that enables the majority of power actions, is not the only one used by prelates: members of the Church acted by *voluntas*; a large amount of actions requires consent or counsel. Finally, the promise requires the force of *fides*, etc. 4) The 13th century society was the one where all actions were judged as more or less spiritual, and where the less spiritual power actions and practices of the prelates were also ‘spiritualised’. Although different groups of verbs attract different kinds of adverbs (e.g. one should serve ‘honestly and devotedly’, one possesses ‘peacefully’, one commands and orders ‘firmly and rigorously’), they all have positive connotations. The charters serve to reproduce a system where the spiritual plays a dominant role and where attaining the celestial realm is the central goal of all actions (documents on the exercise of power belong to the same system as theological texts).

Key words: power, power actions, prelates, France, Middle ages (13th century), textometry, corpus of charters.

References

Baschet, J. (2012), “Entre le Moyen Âge et nous”, in Méhu, D., N. Barros Almeida & M. Cândido da Silva (eds.), *Pourquoi étudier le Moyen Âge? Les médiévistes face aux usages sociaux du passé*, Presses de la Sorbonne, Paris, France, pp. 215–232.

Bhatia, V. (1993), *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*, Routledge, London, UK, 264 p.

Boucheron, P. & N. Offenstadt (2011), *L'espace public au Moyen Âge. Débats autour de Jürgen Habermas*, Presses Universitaires de France, Paris, France, 370 p.

Buc, P. (1994), *L'ambiguïté du livre. Prince, pouvoir et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Âge*, Beauchesne, Paris, France, 427 p.

Cammarosano, P. (1991), *Italia medievale. Struttura e geografia delle fonti scritte*, Carocci, Rome, Italy, 389 p.

Descola, P. (2005), *Par-delà nature et culture*, Gallimard, Paris, France, 533 p.

- Foucault, M. (2011), *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsyy, pročitannyx v Kollezhe de Frans v 1977–1978 ychebnoy gody* [Security, territory, population. Course of lectures given at the College de France in the 1977–1978 academic year], Nayka, St. Petersburg, Russia, 544 p.
- Godelier, M. (1978), “La Part idéelle du réel. Essai sur l'idéologique”, *L'Homme*, № 3–4, pp. 155–188.
- Kantorovich, E. (2014), *Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoy politicheskoy teologii* [Two bodies of the king. Study in medieval political theology], Izd-vo Instituta Gaydara, Moscow, Russia, 744 p.
- Lévi-Strauss, C. (1955), *Tristes tropiques*, Plon, Paris, France, 456 p.
- Moraw, P. (1989), *Von offener Verfassung zu gestalteter Verdichtung. Das Reich im späten Mittelalter 1250 bis 1490*, Propyläen, Frankfurt am Main, Berlin, Germany, 470 p.
- Perreaux, N. (2016), “L'écriture du monde (II).”, *Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre*, 20.1, available at: <http://cem.revues.org/14452>.
- Peterson, E. (2007), *Le monothéisme : un problème politique*, Bayard, Paris, France, 219 p.
- Sini, K., Korpiola, M. & A. Tuija (ed.) (2013), *Authorities in the Middle Ages: Influence, Legitimacy and Power in Medieval Society*, de Gruyter, Berlin, Germany, 330 p.
- Veyne, P. (1971), *Comment on écrit l'histoire*, Seuil, Paris, France, 352 p.
- Weber, M. (1972), *Wirtschaft und Gesellschaft*, Mohr, Tübingen, Germany, 840 p.